

RECORD COLLECTOR

Новости. — 1995. — 17 марта
Полу Маккартни, «битлу», пятьдесят два. Живет жизнью почти пасторальной, настолько простой, что, если не знать, никогда не догадаться: у этого человека — состояние в несколько сот миллионов фунтов стерлингов. Среди суперзвезд мира один из самых богатых.

Четверо детей, жена, с которой бок о бок провели больше четверти века, хотя, когда они поженились, все в один голос предсказывали: брак больше двух месяцев не протянет, слишком ярко, незауряден. Пол, который к двадцати четырем годам стал живым классиком, создав, среди прочего, такой необычайный по популярности «хит», как «Вчера», соперничающий по числу проданных записей даже с «Белым Рождеством» Бинга Кросби, самым массовым шлягером всех времен и народов; и слишком проста, неприметна Линда, лишенная дарований. Кроме, как оказалось, одного: быть безукоризненно домашней.

Этой жизнью, в которой нет места алкоголю, наркотикам, чаще всего проводимой на ферме в Арогиллшире, в Шотландии, где нет изыщев, если не считать внушительной коллекции картин, и упивается Маккартни.

И потому поначалу кажется странным ответ, который он дает, когда его спрашивают:

— Если б все опять вернулось в самое начало шестидесятых, когда «Битлз» вырвались в люди, вы бы предпочли стать знаменитым или согласились на жизнь обычную?

— Нет уж, спасибо. Двадцать

Журнал
«Рекорд коллектор»,
Великобритания

БЫВШИЙ «БИТЛ» ПРЕДПОЧЕЛ ПАСТОРАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ, БЕЗ НАРКОТИКОВ

лет была у меня обычная жизнь, нынешняя — лучше.

Двадцать лет — это с рождения до прихода славы.

Но исключено, что Пол скоро займется мемуарами.

— Я всегда считал, — говорит он, — что нужно дожить по меньшей мере до семидесяти, прежде чем предаваться воспоминаниям. Мне казалось, что это удел тех, кто отошел от дел и целыми днями просиживает дома. Теперь я в этом не уверен. Ведь память всего не удерживает, многое уже не помнится так четко, как мне хотелось бы. Мозг похож на компьютер, на экране которого появляется надпись: «Вы уже использовали 99 процентов доступной памяти. Сотрите что-нибудь, иначе я не могу продолжать работу». Так и со мной.

Книг о «Битлз» и о себе — а их сотни — Пол Маккартни не читает. Почти не читает.

Я обычно пробегаю первую страницу и, если нахожу там хотя бы одну ошибку в факте, событии, ситуации, понимаю: дальше ошибок будет еще больше. Теперь в книгах так много фантазируют, просто диву даешься. И пишут их люди, которые даже близко не стояли там, о чем они пишут. Как-то Джордж, Ринго и я

не только в редкостной продуктивности его таланта, но и в безудержной тяге к совершенству: он мучил всех в студиях звукозаписи своими требованиями «прогонять» вновь и вновь один и тот же пассаж, пока не получалось того, в чем он был удовлетворен.

— Время — хороший исцелитель, и потому, наверное, скажу,

собрались впервые за долгие годы в доме у Джорджа. Мы сами не могли припомнить в точности того, что было во времена «Битлз»: у каждого была своя версия воспоминаний, хотя речь шла о событиях одних и тех же.

— Есть ли у вас такие композиции эпохи «Битлз», которые, с вашей точки зрения, не получили должного признания или вовсе остались незамеченными?

— Наверное, о них знают, пожалуй, только наши поклонники. Сейчас бы я, правда, еще поработал немного над «Водопадом», довел до кондиции. Но, говоря откровенно, у меня нет особых сожалений по поводу того, как записывал я свои песни.

Это тоже нечто вроде откровения. Ведь слава Пола Маккартни не только в удивительной мелодичности его песен, в поразительной — для жанра рока — осмысленности стихотворного ряда,

что я получил огромное наслаждение от всего. Это не попытка что-то приукрасить, так работает память. Это как если б ты отправился куда-нибудь в отпуск, долго к нему готовился, а все эти две недели шли жуткие дожди, и ты бы все проклял. Но через несколько лет ты наверняка скажешь: «О, то было неплохое время. Чудесно его провели». Но все-таки два альбома — «Револювер» и «Резиновая душа» было особенно приятно делать. То был ранний период. А вот «Пусть так и будет» и «Белый альбом» были самыми трудными: группа уже начинала в то время разваливаться. Но и они хороши. И, что знает, может, оттого, что делали мы их в очень трудное для себя время, они как раз и были лучше: невозможно сказать, что для творчества полезнее — напряженность или спокойствие.

— Вы часто, как представля-

ся, принижаете значение постбитловского периода в вашей творческой жизни, в особенности время, когда создали группу «Вингс». Так ли это?

— Всегда приходилось жить сравнениями о том, что было во времена «Битлз». Было бы, наверное, лучше, если бы «Вингс» возникли сами по себе — до «Битлз» или спустя много лет после того, как «Битлз» распались. Но получилось не так, и об этом можно сожалеть. Я знаю, почему так вышло — мне нужно было продолжать себя в музыке. Я не хотел уходить на пенсию. У «Вингс» было много удач, но и критиковали их по-страшному. Тут ничего не поделаешь. Даже Ван Гогу пришлось — после всей критики, что на него обрушилась, — признать, что никогда в жизни он не нарисовал ничего приличного. А к критике я отношусь философски. Уже если Ван Гогу не удалось при жизни продать ни одной своей картины даже брату своему, если Стравинского освистывали, а про Моцарта говорили, что «слишком много нот» в его сочинениях, то куда уж дальше. А это все величайшие люди. Я в конечном итоге пришел к выводу: если ругают, значит, я лучше, чем они думают.

Из простой своей жизни Маккартни вырывается не часто. Когда вырывается — это событие, привлекающее миллионы его поклонников по всему миру. Как было, например, с последним его мировым турне в 1993 году.

В своих концертах он все чаще возвращается к тем композициям, что были им созданы четверть века назад. Круг замыкается...

Александр ШАЛЬНЕВ.
ЛОНДОН.

Пол Маккартни в эпоху «Битлз».

Фото Рейтер.